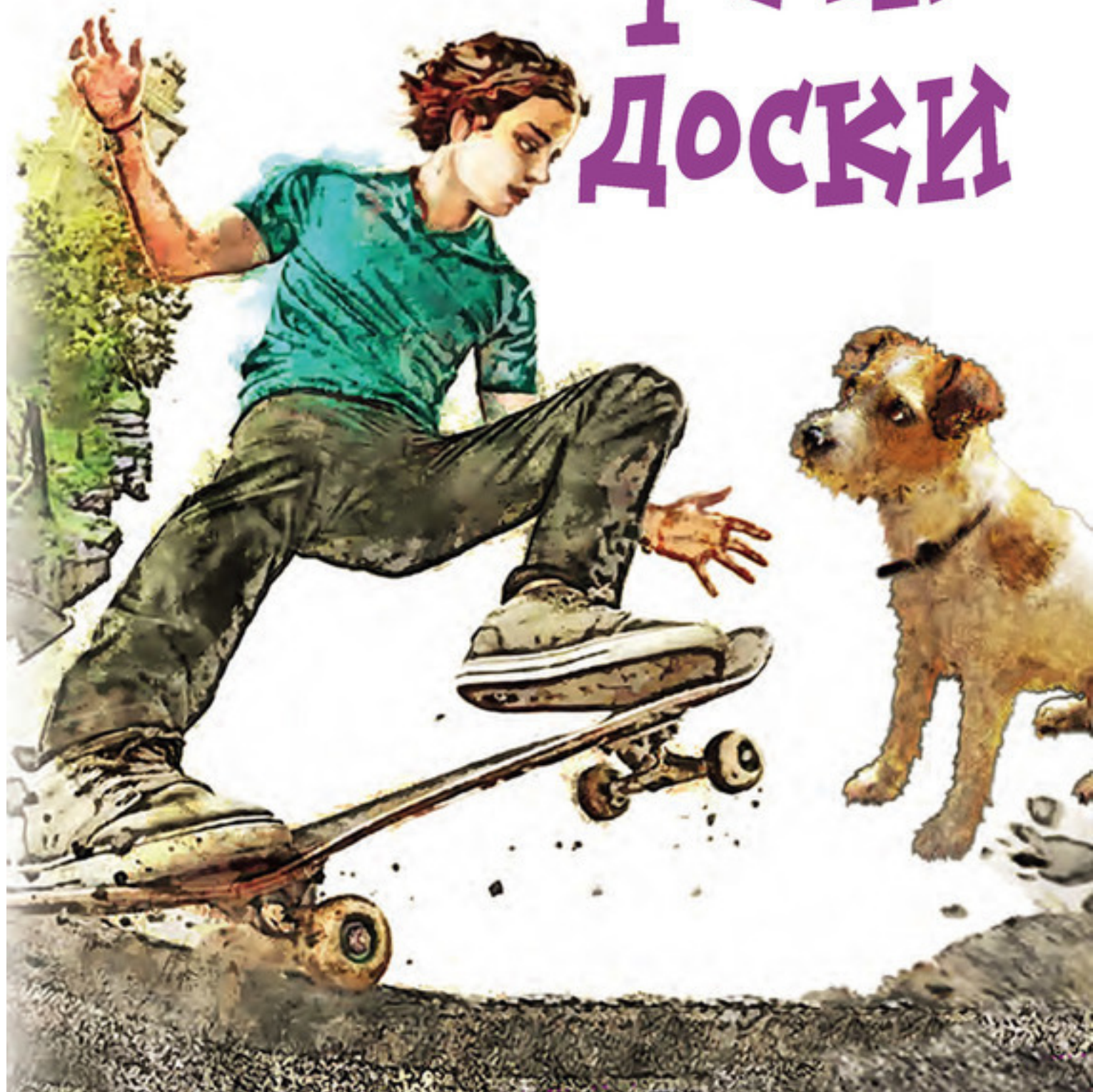

Юлия ЛУГОВСКАЯ

ЛЁДЛИК и ГОРЯЧИЕ ДОСКИ

Юлия Луговская

Лелик и горячие доски

«Спорт»

2012

ББК 48.3.1.2.1.

Луговская Ю. М.

Лелик и горячие доски / Ю. М. Луговская — «Спорт», 2012

ISBN 978-5-904885-73-1

Повесть о том, как трое друзей – Паша, Леша и Маша – и собака Лёлик решили сниматься в кино и какие удивительные приключения ждали их во время съемок. Издание этой книги является частью «Проекта Аркадия Ротенберга», направленного на поддержку программ всестороннего развития детей и юношества России. Для детей младшего и среднего школьного возраста.

ББК 48.3.1.2.1.

ISBN 978-5-904885-73-1

© Луговская Ю. М., 2012

© Спорт, 2012

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	22
Глава 11	24
Глава 12	26
Глава 13	27
Глава 14	29
Глава 15	30
Глава 16	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлия Луговская

Лёлик и горячие доски

Посвящается Паше и всем его друзьям

Часть 1

Лёлик

Глава 1

О лучшем способе смотаться с уроков

– Воронин, опять ворон считаешь?

Елена Николаевна, наша русичка, уверена, что эта шутка очень остроумная, и поэтому повторяет ее раза по два за урок. Наверное, у меня действительно смешная фамилия, потому что стоит ей произнести эту фразу, как весь наш шестой «А» начинает дружно ржать. Ну и пусть ржут, я уже привык, мне и самому смешно смотреть, как радуется Елена Николаевна своей избитой шутке. И я молчу, ничего ей не отвечаю, просто смотрю на нее, и все.

У доски уже минут десять мается Лешка. Он уже сделал все, чтобы его выгнали за дверь, но Елена Николаевна почему-то сегодня особенно терпелива:

– Сидорин, ты будешь писать, или тебе, как Воронину, ворон за окном считать интересней!

Ой, как смешно! Елена Николаевна торжественно оглядывает класс, все, понятное дело, как по команде ржут. Но нам с Лехой не до смеха. Нам надо смыться. Причем немедленно. Да мы, в общем, договорились, что с пол-урока смоемся – Леха попросится в туалет, а меня

Елена Николаевна сама выгонит, это организовать проще простого. Но кто ж мог предвидеть, что Лешке придется отвечать у доски, ведь его только вчера спрашивали?

– «Сад обнажился, поля опустели»... Сидорин, как ты будешь писать слово «обнажился»? Вначале думаем головой, а потом уже пишем...

Леха посмотрел на меня, и я прочел в его глазах озорной огонек – Леха что-то придумал. Он повернулся спиной к классу и с хорошим нажимом быстро написал на доске: «Зад обнажился, поля опустели».

Раздались редкие, сдавленные смешки. Елена Николаевна приподняла очки, всматриваясь в надпись на доске. Немая сцена длилась секунды три, но нам с Лешкой она показалась вечностью. Тишину взорвал громкий визг русички:

– Вон из класса! На перемене – к директору! Нет, стой, вытри немедленно эту гадость!

Лешка тщательно и быстро протер доску и, пока Елена Николаевна не смилостивилась и не передумала его выгонять, выбежал из класса.

Теперь слово было за мной. Я мучительно перебирал в уме варианты побега, ничего более или менее оригинального в голову не приходило. И тут у меня зазвонил телефон. Вот Леха молодец, додумался!

– Нет, вы только посмотрите! Это не класс, а сборище хулиганов! Воронин, немедленно выключи телефон!

– Ой, Елена Николаевна, он не выключается, – жалобно застонал я, демонстративно тыкая пальцем в мобильник под оглушительные трели моего звонка.

– Так, моему терпению пришел конец. Иди за дверь, Воронин, и чтобы я тебя без матери в школе не видела!

А мне только того и надо. За три секунды покидав учебники в рюкзак, я выскочил в коридор.

Глава 2

Мы хотим сниматься в кино!

Вы только не подумайте, что мы с Лехой зlostные хулиганы. Нет, мы самые обыкновенные. Просто мы считаем, что жизнь нам дана одна и надо прожить ее так, чтобы не тянулась она мучительно скучно, ну, и, естественно, чтобы было что потом вспомнить. Каждый день после школы мы бегаем в парк кататься на скейтах. У Лешки получается лучше, чем у меня – он маленький и юркий, а у меня, как говорит моя мама, фигура не спортивная, поэтому я часто падаю, да и прыжки у меня получаются не столь грациозными. Но все равно я обожаю кататься на скейте.

Сегодня нам позарез надо было уйти с уроков. К нам в парк должны были приехать с киностудии отбирать лучших скейтеров для участия в съемках крутого фильма про мальчишек. Конечно, на главные роли мы не претендовали, но поучаствовать в массовке и потусоваться вместо уроков на съемках мы были не прочь.

– Давай по домам, берем доски и встречаемся через десять минут у гастронома.

– О'кей, только не копайся там, а то опоздаем.

Не подумайте, что я копуша. Хотя фигура у меня и не спортивная, я могу все делать очень быстро. Если, конечно, захочу. Но во-первых, я живу дальше, чем Леха, во-вторых, моя мама работает на дому, а следовательно начнутся расспросы: «что?» да «как?». Пока чего-нибудь более или менее правдоподобное наврешь, – и вспотеешь, и время потеряешь.

Но сейчас я решил сказать правду: мама – человек, должна понять, что сегодня, возможно, решается моя жизнь.

Мама открыла дверь и убежала к компьютеру, поэтому меня встречал только Лёлик. Лёлик – это мой пес. Он из простых собак, не из породистых, но что-то терьеристое в его внешности есть. Лёлик обожает моего деда, сосиски, приготовленные в микроволновке, и гулять. Сейчас Лёлик прыгал и крутил хвостом с бешеной силой. Видимо, я вызвал в нем предвкушение не то сосисок, не то прогулки.

– Лёка, отстань, я спешу.

В коридоре показала мама:

– Ты чего так рано? Я даже обед приготовить не успела. Есть хочешь?

– Не, мам, некогда, дай попить только!

– И куда это ты собрался?

– Мам, понимаешь, у нас сегодня соревнования... – решимость сказать правду таяла на глазах, – по физкультуре.

Уф! Моя мама всегда знает, когда я вру. Но на этот раз то ли она на самом деле поверила, то ли сделала вид, но разбираться было некогда. Я выпил залпом стакан воды, схватил скейт и хотел уже выбежать на улицу, но мама сунула мне в руки Лёлькин поводок:

– Возьми Лёлика, пусть в парке побегает.

– Мам, ну он там только мешаться будет, – хотел отвертеться я, но Лёлик, чувствуя, что сейчас решается его судьба, с таким уважением смотрел мне в глаза, что я не стал спорить.

Мы с Лёликом опаздывали минут на семь – Леха будет ворчать. Еще издалека я заметил, что Лешка у гастронома стоит не один. С ним была Маша Галицкая, девчонка из тех, которые никогда не носят юбок, розовых кофточек и не мажут губы блестящей помадой.

– Ну где тебя носит? – накинулся на меня Лешка.

Лёлик подпрыгнул повыше и сперва чмокнул в ухо Машу, а потом уже отдал оста точную дань любви Лешке.

– Фу, слюнявый, – засмеялась Маша.

– Он девчонок с первого класса любит, они его тискают и конфетами кормят, – пояснил я разнузданное поведение моего пса. – А ты, Маш, с нами?

– Ага. Буду изображать группу поддержки. Кстати, русичка потом до конца урока успокоиться не могла. И на перемене по коридору бегала, вас искала. Вы хоть подумали, что завтра скажете?

Естественно, мы ничего про завтра не подумали. Мы думали только про сегодня. Некогда было думать о том, что будет не скоро, да и не интересно. Тем более что ничего хорошего, судя по всему, завтра не будет.

Глава 3

Лёлик опростоволосился

Мы вошли в парк, и я спустил Лёлика с поводка. На площадке для катания на скейтах собралось человек пятнадцать ребят со всего нашего микрорайона. Они стояли полукругом и слушали высокого накаченного парня в фиолетовых джинсах и футболке, изрисованной черепами. Рядом прямо на асфальте лежала его сумка, из которой торчали пестрые журналы.

– Каждый из вас имеет шанс попасть на съемку. Но работать придется много, и легкой жизни никому не обещаю. Вы будете соревноваться, а мы вас будем снимать. Победитель примет участие в съемках. Кто точно решил, подходите, записывайтесь, – надменным тоном объяснял парень в черепах.

К нему выстроилась очередь, и мы с Лешкой тоже в нее встали. Лешку записали без всяких разговоров, а я, видно, чем-то парню не понравился.

– Фамилия?

– Воронин.

– Имя?

– Паша.

– Паша – простокваша, гордость наша, – передразнил меня парень. – Полное имя свое знаешь?

– Павел.

– То-то же. – Парень отошел на шаг и оглядел меня с ног до головы. – А ты вообще, катаешься как? Ну, типа начинающий? Или продвинутый?

– Нормально он катается, – решила внести свою лепту Маша.

– И получше некоторых, – поддержал ее Лешка, покосившись на стоявшего напротив Валерки Кирюка, нашего одноклассника.

Валерку в классе не любили из-за его зловредной мамы, которая состояла в родительском комитете и совала свой нос буквально во все дела. Даже те, которые ее совершенно не касались. Кирюк и сам имел не лучшую репутацию, потому что при первой возможности «стукал» на товарищей и занимался по-девчачьи мерзким подхалимажем. Не знаю, что он там наврал своей мамаше, чтобы не пойти в школу, но на уроках сегодня его не было.

– Языками-то вы все умеете, а как до дела... Эй, уберите собаку!

Наш разговор прервал Лёлик, ввалившись в круг. Вид у него был запыхавшийся, язык свесился на бок, мокрый черный пятак окаймляла полоска свежей земли. Лёлик явно только что занимался землекопными работами. Не разобравшись, кто здесь начальник, Лёлик с разбегу воткнулся чумазой мордой в фиолетовые штаны парня, которому Лёлик явно не понравился. Обескураженный непривычной реакцией взрослого мужчины, Лёлик отскочил в сторону, потом медленно подошел к стоявшей на асфальте сумке парня, и у меня перехватило дыхание: «Нет, Лёлик, только не это!» Но было уже поздно – Лёлик поднял лапу и пописал на сумку перекошенного от злобы парня.

– Это чья собака? – с вытаращенными глазами парень стал наступать на нас. – Я, кажется, за дал вопрос!

– А по-моему, очень милая собачонка, – к нашей компании подошла коротко стриженная девушка в джинсах с дырками на коленях.

Она потрепала Лёлика по голове. Лёлик радостно подпрыгнул и оставил на джинсах два коричневых пятна. Но девушку это ничуть не смутило. Она даже внимания не обратила на перепачканные джинсы.

– Давай, Игорек, заканчивай ребят строить, ехать пора, – сказала она строго парню с черепами.

– Слышите, что сказала ассистент режиссера? Кто не записался, тот опоздал. – Игорек, забыв про Лёлика, начал собирать вещи. Не попавшие в список мальчишки засуетились:

– Ой, запишите, пожалуйста, меня.

– И меня...

– Эй, шпана, запишите мой телефон, не сможете прийти – позвоните, буду замену искать, – Игорек продиктовал номер, и мы все старательно записали его в свои мобильники.

Затем Игорек погрузился в серый пикап непонятной марки. За рулем сидела стриженная девушка. Когда они отъезжали, она помахала нам рукой.

Ох... чуть все не сорвалось. Из-за Лёки... Не хотел ведь я его брать с собой, вечно все портит.

– По-моему, этот Игорек полный придурок, – подала голос Маша.

Она была единственной девчонкой среди еще стоящих полукругом ребят.

– Это шавка ваша – придурок, – подал голос Валерка Кирюк, – да и вы сами – придурки.

– Сам за ткнешься, или тебе помочь? – Лешка терпеть не мог Кирюка и завелся с пол-оборота.

– А ты попробуй. Чем за тыкать меня будешь – пирожком с капустой?

Про пирожок – история отдельная. Случилось это в прошлый понедельник. Я принес в школу пирожки с капустой, потому что по утрам не завтракаю – есть спросонья не хочется. А после второй перемены перекусить – самое оно. А накануне в воскресенье я ездил к бабушке, и она надавала мне с собой пирожков собственного изготовления. Так бабушкины пирожки стали нашим с Лешкой завтраком. Но вместо того, чтобы съесть их сидя на подоконнике, мы вынуждены были всю вторую перемену переписывать самостоятельную по математике, за которую получили, как говорит наша математичка Надежда Ивановна, четверку пополам. Поэтому пирожки пришлось есть на уроке истории. Я нагнулся под парту и попытался засунуть пирожок поглубже в рот, чтобы побыстрее его разжевать и проглотить под партой. Если вы когда-нибудь решите повторить мой подвиг, то убедитесь в том, что глотать даже хорошо пережеванную пищу вниз головой практически невозможно. Пирожок так и норовил выскочить обратно. И, проиграв в борьбе с ним, я, подавившись, закашлялся. Чтобы не умереть такой бесславной смертью с пирожком во рту, я вылез из-под парты и принял вертикальное положение. Наверное, я действительно выглядел смешно с пирогом в зубах и глазами навывкате, потому что все дружно заржали, а историчка, она у нас хорошая тетка, со вздохом сказала:

– Воронин, ты совсем обнаглел!

Вот о каком пирожке с капустой говорил сейчас Кирюк. И я ему этого бы не простил, если бы не Маша. Она взяла меня за плечи (надо же, не думал, что она такая сильная!) и, презрительно глядя на Кирюка, сказала:

– Не стоит, Паш, с ним связываться, он побежит все мамочке докладывать!

– Ладно, пусть пока живет.

Обдав напоследок Валерку насмешливым взглядом, мы пошли в сторону выхода из парка. Итак, нас, пусть не без скрипа, но записали на участие в кастинге – специальном конкурсе, на котором режиссер будет отбирать ребят для съемок. Я засунул руку в карман и вытащил талончик, который мне вручил Игорек. На клочке цветной бумаги было написано: «Горячие доски. Кастинг. Павильон № 8, 26 сентября, 10 ч.15 минут». На Лешкином талоне было написано то же самое, только время стояло 10 ч. 25 минут.

– Ты посмотри, какие мы по счету, – вздохнул Лешка, – 68-й и 69-й. Боюсь, до нас вообще очередь не дойдет.

– Хватит вам трюндеть, вы же лучше всех! – Машка как всегда поднимала нам самооценку. – Ваш кастинг только через три дня. Лучше подумали бы, что в школе завтра говорить будете. Когда вы смотались, русичка была в бешенстве.

– Да пошла она! – Лешка еще не остыл после короткого диалога с Костюком.

– Нет, не пошла. Она директору пожалуется, родителей ваших вызовет, если еще не вызвала. И будет вам тогда кастинг.

И тут мне в голову пришла гениальная мысль.

– Слушай, Маш, у тебя ведь дочерка самый взрослый в классе!

– Ну и?

– А давай ты нам с Лешкой записки напишешь. Ну, как будто от родителей. Объяснительные. Мол, так и так, моему сыну надо было к врачу...

– Ага! Моему сыну надо было к врачу, поэтому он написал на доске слово «зад». – Маша явно была не в восторге от моего предложения.

– Нет, Маш, а правда, давай ты мне напишешь, что я плохо себя чувствовал, у меня была температура. А когда у человека температура, он еще не то написать может. Когда я был маленький, я болел гриппом. У меня температура была сорок, и я принял врача с медсестрой со «скорой» за деда мороза со снегурочкой, – Лешка явно оживился.

– Точно! А мне напишешь, что я был записан к зубному, – поддержал Лешку я.

– Вы что, со скейтов навернулись и умом повредились? Вы думаете, русичка такая дура, что поверит, что у ваших мам по случайности одинаковый почерк? – Маша покрутила указательным пальцем у виска. – Вы совсем ту-ту?

– Маш, ну ладно, ты напиши, а все остальное мы берем на себя, – мы с Лешкой переглянулись в знак принятого решения.

– Ладно, как знаете, пошли ко мне, у меня сейчас никого.

Когда мы свернули от гастронома направо, у Лёлика поднялось настроение – он понял, что домой еще не идем, и весело трусил впереди нашей процессии, беззаботно размахивая хвостом.

Глава 4

Обман

Маша живет в новом красивом доме на третьем этаже. Ее папа – летчик-испытатель, и по несколько месяцев в году проводит в разных странах, испытывая новые самолеты. Мама приходит домой вечером очень усталая, поэтому все хозяйство, а также кот Клавдий, две рыбки и морская свинка находятся исключительно под Машиным присмотром. Своей способностью быстро делать уроки, готовить еду, мыть посуду, не устраивая при этом бардак, успевать читать книги и трепаться в чатах, Маша в корне отличается от меня: я могу за день делать только что-то одно. И моя мама часто ставит мне Машу в пример. Но меня это совсем не обижает, мне, в сущности, по барабану. И ничего удивительного в Машиней самостоятельности я не вижу: она же в отличие от меня – девочка.

Маша пропустила нас в квартиру.

– Ботинки только снимайте, а то я вчера пылесосила.

Мы скинули ботинки и прошли в Машину комнату. Лёлика я привязал к дверной ручке – на его лапах еще висели комья глины – и велел сидеть тихо и не скулить.

Маша достала два листа бумаги: один простой белый, другой тетрадный в клеточку, и две ручки.

– Ну?

– Пиши: «Уважаемая Елена Николаевна! У моего сына вчера была высокая температура, и поэтому он ушел с урока. Он больше не будет», – Лешка всегда отличался умением на ходу писать сочинения, но Маша посмотрела на него так, будто он сказал полную чушь.

– Чего не будет? Болеть не будет? Или писать слово «зад» на доске не будет? Ты уж выражайся точнее. И вообще так записки никто не пишет, – Маша скомкала лист бумаги, взяла новый и написала красивым ровным почерком:

«Уважаемая Елена Николаевна, Алексей вчера ушел с урока по семейным обстоятельствам». Маша поставила красивую загогулину, символизирующую роспись, а рядом завтрашнее число.

– М-да, ничего, простенько и со вкусом, – Леша почесал затылок.

– Теперь давай мне такое же. Ну, в смысле коротко и ясно, – засуетился я.

Маша взяла гелиевую ручку, листок в клетку и размашисто написала:

«Елена Николаевна,

Вчера, 22.09, Павел посетил зубного врача, из-за чего вынужден был уйти пораньше из школы. С уважением...», – тут Маша изобразила более длинную, чем в Лешкиной записке, закорючку.

– Машка, ты гений! – от восторга я просто потерял дар речи. Все-таки моя мама права: Машка – потрясающая девчонка.

– Погодите, надо еще подумать. Мне что-то во всем этом не нравится...

Но Маша не успела договорить. Из коридора послышалось странное скрежетание и сдавленный взвизг Лёлика.

– Блин, Клавдий! – ахнула Маша, и мы кинулись в коридор.

Вообще-то, Лёлик к кошкам относится терпимо. Конечно, на улице, для порядка, он может рыкнуть на обнаглевшего кота, который и не подумал сойти с дороги при виде собаки. Но если Лёлик попадал в дом, где жил кот, он старался вести себя скромно и не раздражать хозяина – видимо, в нем жила врожденная собачья интеллигентность, редкая в наши дни. С Клавдием Лёлик знаком не был – обычно кота запирали из-за дурного характера – Клавдий мог вцепиться в ногу гостю, покусать и расцарапать любого, кто ему не понравится. Кроме

того, Клавдий считал себя специалистом по колготкам подруг Машиной мамы. Как Клавдий относится к собакам, никто не знал, потому что кот ни разу в жизни не был на улице.

Бедный Лёлик сидел в коридоре, вжавшись в угол и прикрывая лапой нос. Над ним в позе снежного барса, только что загнавшего оленя, возвышался Клавдий. Лапа его с выпущенными когтями застыла в воздухе, готовая опуститься на Лёлькин загрибок.

– Клавдий, брысь отсюда!

Кот с неохотой втянул когти, спрыгнул с Лёлика и гордой походкой исчез на кухне. Лёлик заскулил, жалобно виляя хвостом и с благодарностью заглядывая в глаза своей спасительнице.

– Чаю не предлагаю, дел много, – Маша намекала, что нам пора.

– Спасибо тебе, Маш, за помощь! Что бы мы без тебя! – затыкнул Лешка.

– Да идите вы!

– Уже идем.

Было уже четыре часа, и мне надо было домой. Мы попрощались с Лешкой и от гастронома разошлись в разные стороны.

Глава 5

Ужасно неохота делать уроки

– Ты уроки сделал? – мама всегда задает этот вопрос некстати.

Вот и сейчас, только я собрался включить компьютер, как она появилась на пороге моей комнаты:

– Паш, мы же договаривались!

Лично я ни о чем не договаривался. В прошлый раз, когда я не сделал английский, потому что «чатился» по разным серьезным вопросам, мама произнесла пламенную речь, смысл которой сводился к одному: пока уроков не сделаешь, за компьютер не сядешь. Я тогда промолчал. Да и какой дурак на моем месте стал бы сейчас спорить с матерью. В общем, после этого «разговора» моя мама уверена, что мы с ней договорились.

Я молча убрал клавиатуру и вывалил на стол тетради и учебники. Открыл математику, нашел нужные номера. От вида примеров, которые мне предстояло решить, на душе сделалось скучно. Я переписал пример в тетрадь, наметил последовательность действий и решил провести психологический эксперимент. Математичке главное – чтобы она видела, что каждое действие в примере записано столбиком и чтобы в каждом столбике был правильный ответ. Это мы ей обеспечим без труда. Я взял калькулятор и, высчитав первый ответ, записал его под столбиком вычитания. То же самое я проделал и с делением, и с умножением, вписывая промежуточные цифры просто так, с потолка. У математички нас – двадцать пять голов, да еще и «бэшки». Вряд ли она будет ковыряться с каждым столбиком, когда ответ очевиден.

Таким образом расправившись с тошнотворными примерами, я приступил к не менее тошнотворной задаче на скорость. Речь шла о шляпе, слетевшей с головы прохожего. За шляпой наперегонки гнались прохожий, его собака и мальчик, который привык помогать взрослым. Естественно, все бежали с разной скоростью, кроме того, своя скорость была и у ветра. Представив себе эту картину, я понял, что собака догонит шляпу первой. Но вопрос в за даче был совсем другой, про расстояние. Я честно напряг мозг, но он не желал мыслить математическими категориями, перед глазами упорно вставал лысоватый прохожий в сером пальто, мальчик в оранжевой куртке и беспородная собачка с развивающимися на ветру ушами, похожая на Лёлика с шляпой во рту. Прохожий, недовольный тем, что собака облизывала его шляпу, шлепнул себя по ноге: «Ко мне!» Но собачонка не собиралась отдавать добычу. Она радостно подпрыгивала и с рычанием мотала шляпу из стороны в сторону.

– Паша, ау! – мама в дверях наблюдала за моим мыслительным процессом. – Ты вообще где?

– Я здесь. Задачу не могу решить.

Мама подошла, стала читать условие. Потом она взяла листок бумаги и карандашом начертила схему движения всей компании. На этом, нахмутив лоб, мама зависла.

– Ладно, делай пока что-нибудь другое, я подумаю, – сказала мама и плотно закрыла за собой дверь.

Это она пошла звонить своей умной подруге Людмиле, инженеру по профессии, которая с третьего класса помогала нам с математикой. И хотя мама от меня скрывала, что не в состоянии решить задачу, я прекрасно знал, что будет дальше. Поговорив с Людмилой, мама с победным видом войдет в комнату и скажет: «Все очень просто» и начнет мне объяснять задачу. А я буду делать вид, что понимаю. Потом она оставит мне листочек с решением и, довольная, уйдет заниматься своими делами.

Я поковырялся с историей, полистал литературу и наткнулся на написанную Машей записку по поводу зубного врача. Хорошо все-таки придумано! Я положил записку в дневник и убрал его подальше, с маминых глаз долой.

Через три дня мы будем соревноваться с лучшими скейтерами Москвы нашего возраста. К то бы мог подумать! Я представлял себе, как это будет происходить, как режиссер скамандует «Мотор!», а потом, после сигнала «Стоп. Снято», все зааплодируют. Я решил показать на кастинге «флип-трик» – самый эффектный трюк, который я умею делать: ты высоко подпрыгиваешь и переворачиваешь во время прыжка скейт у себя под ногами, приземляясь на него. Надо будет только еще немного потренироваться.

И вдруг меня как током дернуло: деньги! Каждый, принимающий участие в кастинге, должен заплатить по пятьсот рублей – так сказал Игорек. Денег у меня не было, все накопления я потратил на новую доску со скачущей лошадкой на обратной стороне. Я копил на нее целый год, отказывая себе во всех соблазнах. И теперь у меня в кошельке был полный голяк. Что же делать? Может, рассказать все маме? Нет, она меня ни за что не отпустит на кастинг. А если не рассказывать, а просто попросить денег? Нет, просто так не даст. Или сказать, что в классе собирают на школьные нужды? Так она позвонит мамаше Кирюка, и тогда мне несдобровать – мама больше всего не любит, когда я вру. Лучше попросить денег у папы, по-мужски, на что-нибудь такое, на что он точно даст.

– Паш, оказывается, все очень просто. – Маме не терпелось рассказать мне, как решается задача про шляпу, пока она сама не забыла. – Вот, смотри!

Я сделал заинтересованное лицо, и пока мама на чертеже объясняла мне, что на до узнать сначала, что потом, и записывала решение по действиям, я представлял себе мужской разговор с папой. Скажу, что у нас в школе проводится акция в помощь голодающим детям из Африки. Благородно, но не очень убедительно. А может, сказать, что я разбил в кабинете биологии микроскоп? Тоже не вариант – начнутся расспросы: что да как? Нет, лучше так: у одного парня из класса (ты его не знаешь!) украли собаку и требуют выкуп, а родители его бедные, денег у них нет. Последняя версия, по-моему, была наиболее убедительной, и я ее принял как рабочую.

– Вот и все, и как я сразу не догадалась, – мама чмокнула меня в макушку, оставила листок с решением на столе и ушла, напевая знакомую попсовую мелодию.

С уроками было покончено, и я запустил компьютер. Набрал в Яндексe «Горячие доски» и в сотый раз стал перечитывать условия кастинга. К нему допускались мальчишки 10–12 лет, умеющие кататься на скейте. Форма одежды – свободные штаны, толстовка, бейсболка. Победителям обещали головокружительную карьеру.

Пришел домой папа:

– Как дела, Паш? Что в школе?

– Нормально, – я решил не брать быка за рога, надо же дать человеку отдохнуть.

– Норма – понятие относительное. – Папа почесал в затылке. – А что на ужин?

– Судя по запаху – картошка с котлетами, – с удовольствием поддержал тему я, почувствовав, что сильно проголодался. Тем более бабушка любит говорить, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. А это, вероятно, означает, что после котлет папа будет добренький и тут же выдаст мне пятьсот рублей на голодающих Африки. Тьфу, чуть не перепутал – на собаку школьного приятеля.

Мы с аппетитом поужинали все вчетвером. Лёлик в ужине принимал самое активное участие. Он сидел между мамой и мной и время от времени аккуратно трогал лапой то меня, то маму. Я уступил Лёлику полкотлеты, а мама счистила в его миску остатки с тарелок. Во время чая маме кто-то позвонил, и она ушла в комнату разговаривать. Я набрался храбрости и, не глядя папе в глаза, сказал:

– Пап, мне нужно пятьсот рублей!

– Зачем? – Папа в упор посмотрел на меня. Я покраснел как рак.

– Ну говори, не стесняйся! Что-то личное?

– Да... я хочу Маше сделать подарок, – зачем я это сказал – не знаю сам, но интуиция мне подсказала – папа, как истинный джентльмен, меня поймет.

Ни слова не говоря, папа ушел в коридор, принес бумажник, достал пятисотку и протянул мне:

- Держи. Расскажешь потом?
- Чего расскажешь?
- Ну, что ты там Маше купил и вообще...
- Ладно. Спасибо, пап.

Было ужасно стыдно. Больше всего за то, что папа так быстро, без лишних расспросов согласился дать мне деньги. И про то, что он подумал про Машу... Ладно, успокаивал я себя, у меня по сути не было выбора.

– Что у вас тут происходит? – В кухню вошла мама и тут же просекла, что мы что-то от нее скрываем. – Чего-то натворили? Признавайтесь!

– Ну почему сразу натворили? Могут быть у нас маленькие мужские секреты, – подмигнув мне, ответил папа.

– Действительно, – поддержал я папу. – Ты же когда со своей Танькой болтаешь, уходишь в другую комнату, чтобы мы не слушали!

– Устами младенца, – выразительно посмотрев на маму, сказал папа, и ей ничего больше не оставалось, как пожать плечами и приступить к уборке посуды.

Итак, пока все шло по плану. Хрустящая пятисотка лежала у меня в кошельке, записка от «родителей» – в дневнике, а талон на кастинг – в кармане. Я долго ворочался, представляя, как буду сниматься в кино, и не помню, как заснул.

Глава 6

Записки пригодились

– Воронин и Сидорин, собирайте вещи – и к директору! – Елена Николаевна с порога набросилась на нас.

– А че мы такого сделали? – Лешка, когда волнуется, всегда становится наглым.

– Это вы директору расскажете, – «че»! У рок вчера сорвали, из школы сбежали. Нет, друзья мои, за свои поступки надо нести ответственность по всей строгости. Быстро встали и покинули класс! Не заставляйте нас ждать! – Елена Николаевна начала заводиться. А когда она заводилась, не то что спорить, слова вставить было невозможно. Но Лешка все-таки успел выпалить:

– У нас уважительная причина!

– Какая, Сидорин, может быть уважительная причина твоего злостного хулиганства? Только справка от психиатра! – Елена Николаевна была довольна своей шутке и победоносно обвела глазами класс. Несколько человек льстиво заржали.

Леха встал, подошел к русичке и молча вручил ей записку. Сердце у меня в груди застучало с таким бешенством, будто я только что пробежал на время стометровку. Я посмотрел на Машу. Она, белая, как мел, кусая губу, неотрывно смотрела на сложенный пополам листок в руках у училки. Русичка, как в замедленной съемке, развернула листок и уставилась в текст. Она читала его не менее минуты, хотя записка была на редкость краткая:

– Ладно, Сидорин, поговорим позже. Воронин, а у тебя тоже семейные обстоятельства?

– Я у зубного был, – с готовностью выпалил я и вручил Елене Николаевне Машину записку. Пробежав глазами по тексту, русичка проворчала себе под нос:

– Безобразие... Не класс, а бардак какой-то... И родители их покрывают. Что из вас вырастит... – она открыла журнал и стала пальцем водить по фамилиям в поисках жертвы.

Кажется, пронесло. Я посмотрел на Машу. Вид у нее был, как будто она приняла яд и ждет не дождется смерти. Я толкнул в бок Лешку и кивнул в сторону Маши. Лешка нарисовал смешную рожицу на клочке бумаги и бросил записку Маше. Она глянула в записку, но не улыбнулась и не посмотрела в нашу сторону. Ох уж эти впечатлительные женщины!

Прозвенел звонок, но русичка, как обычно, делала вид, что его не слышит. Она всегда пыталась «зажать» перемену, когда у нас был сдвоенный русский.

– Елена Николаевна, звонок был. – Димка Кочанов стоял у доски и больше всех был заинтересован в перемене.

– Что, Кочанов, устал? Мозг перегрелся? Мышцы ты накачал, Кочанов, – Елена Николаевна обрадовалась новому каламбуру и самодовольно захихикала, – а мозги подкачать забыл. Садись, три!

– Ну почему три... Я же предложение разобрал, и ошибка только одна... – заныл Димка.

– Так, «три», я сказала! А будешь спорить – «два» поставлю. Да тебе за одно «жи – ши» через «ы» надо кол на лбу выгравировать или, как у вас модно, вытатуировать. Идите, гуляйте, а то, бедняжки, перетрудитесь!

Во время перемены русичка обычно выгоняла всех из класса, вытягивала ноги, закрывала глаза и так сидела минут пять. Беспokoить ее в это время было смерти подобно. Однажды Юрий Батаков, довольно тихий троечник, нечаянно ввалился в класс во время этой медитации. Елена Николаевна подскочила как ошпаренная, вылетела в коридор и в бешенстве стала орать: «Вы из меня все соки высосали, хулиганы!», а потом, на уроке устроила Юрику допрос с пристрастием, результатом которого стала жирная двойка такого огромного размера, что залезла и на мою клеточку в журнале, из-за чего у меня потом были неприятности: наша классная Ирина Васильевна никак не могла разобраться, чья эта двойка – моя или Юркина.

В общем, на перемене русичку лучше было не трогать.

То, что осталось от перемены, мы посвятили завтраку – надо было немедленно восстановить потерянные во время нервного напряжения силы. Взгромоздившись на подоконник в своем любимом закутке в коридоре, мы развернули бутерброды. Несмотря на мои и Лешкины приглашения, Маша к нам присоединяться не стала. Она прошла мимо, даже не глянув в нашу сторону.

– Чей-то она? – Лешка проводил Машку задумчивым взглядом.

– Жалееет, небось, что записки нам написала. Она же у нас принципиальная, забыл?

Лешка мне не ответил, а через секунду я полностью забыл про Машкины обиды. Из нашего закутка через стекло от лично просматривался коридор и двери кабинета русского и литературы. Стекло немного отсвечивало, поэтому нас из коридора в дневное время видно не было. В коридоре было пусто, все убежали в буфет. Дверь кабинета немного приоткрылась, и в образовавшемся проеме показалась голова Валерки Кирюка. Она высунулась на его длинной змеиной шее, покрутилась наподобие перископа, а потом в коридор выползли и остатки Кирюка – тощее сутулое тело с лапшевидными руками, свисающими ниже колен. Кирюк быстро огляделся, тихо прикрыл за собой дверь и побежал по лестнице вниз.

– Как думаешь, что он там делал?

– Либо выпрашивал пятерку, либо просто так подхалимничал, – предположил Лешка.

Я не успел ответить, как дверь кабинета резко распахнулась и в коридор выбежала чем-то взволнованная Елена Николаевна. О том, что она слегка не в себе, мы догадались по тому, что попасть ключом в замочную скважину ей удалось только с четвертой попытки. Заперев дверь, русичка смешно засемила вниз по лестнице, звонко стуча каблуками по ступеням.

Лешка присвистнул: ничего хорошего эта внезапная эвакуация не предвещала:

– Ой, чуеет мое сердце, что-то сейчас будет...

Глава 7

Нас вызывают к директору

Прозвенел звонок, и ребята потянулись к кабинету русского языка. Но, вопреки обыкновению, дверь была заперта и русичка опаздывала. У же прошло минут семь от урока, уже из соседнего кабинета два раза высовывался бородатый физик и призывал к тишине, уже на доело ждать, как на лестнице раздался гулкой мелкий стук каблучков и распаренная Елена Николаевна появилась в проеме дверей коридора.

– Так! – она всегда начинала ругаться словом «так». – Все садятся и начинают читать девятый параграф. Чтобы знали наизусть! Приду – проверю.

Она открыла кабинет и, когда мы с Лешкой хотели войти, загородила широкой грудью проход:

– А вы, голуби мои сизокрылые, долетались. К директору!

Мы с Лешкой одновременно почувствовали, что сейчас нам будет. Причем будет такое, что мало не покажется.

– А портфели положить можно? – Ох, лучше бы Лешка молчал!

– Портфели вам больше не понадобятся! – это прозвучало торжественно и с такой угрозой, будто нас с Лешкой прямо из школы отправляют в детскую колонию и что машина с решетками на окнах ждет нас у входа.

Напоследок оглядев класс, я мысленно попрощался с ребятами. Среди с интересом обращенных в нашу сторону взглядов я увидел только две пары глаз. Первые, широко раскрытые, с неподдельной тревогой и горечью, не мигая, смотрели на меня. Вторые – прищуренные, с холодной надменностью и ехидством наблюдали за происходящим. Первые принадлежали Маше Галицкой, вторые – Валерке Кирюку. Я понял: мы разоблачены.

Глава 8

Машино чистосердечное признание

– Сколько я работаю в школе, такого случая в моей практике еще не было! – Елена Николаевна почти кричала, тряся Машиными записками у нас перед носом.

Алексей Валерьевич, довольно молодой для директора школы мужчина, пытался закончить разговор, но Елена Николаевна никак не унималась.

– Нет, Алексей Валерьевич, вы подумайте, обстоятельства у них! В парке кататься на своих колесиках – вот их обстоятельства! И ложь, эта мерзкая ложь! Нет, пусть они ответят... Кстати, – Елена Николаевна на секунду замолчала, будто ее что-то осенило, – а кто это вам записки писал?

«Ну вот, теперь и Машка пострадает. А ведь она нам говорила...» – подумал я и решил молчать, как пленный партизан, даже если будут пытаться.

Но Лешка, видимо, решил взять другую тактику:

– Это мы сами написали. Простите нас.

– Нет, вы только на них посмотрите! Я что, не знаю твоих каракуль, Сидорин? И графологической экспертизы проводить не нужно. Ваш с Ворониным авторский стиль – корова через «а». Быстро сказали, кто писал записки, иначе будет хуже!

Хуже уже было некуда. Но я ошибался. Не знаю, подслушивала ли она под дверью или просто случайно попала в нужный момент, но Маша решительно вошла в директорский кабинет:

– Это я!

– Очень приятно, Галицкая, мы видим, что это ты. Потом ко мне подойдешь, мне сейчас некогда, – Елена Николаевна не поняла, зачем Маша здесь. Но мы с Лешкой все поняли с полуслова. Маша, зачем...

– Это я написала им записки! – с гордо поднятой головой Маша обращалась к директору.

– Ты? Не ожидала я от тебя такого, Галицкая! Отличница, родители – интеллигентные люди, папа – летчик...

Директор прервал пафосную речь русички:

– Ладно, идите на урок, мы решим, что с вами делать, – Алексей Валерьевич решительно встал, давая понять, что разговор окончен. – И вы, Елена Николаевна, идите в класс, уже полурока прошло.

Глава 9

Драка

Как закончился урок, я не помню, а вот на перемене случилось такое, о чем мы потом сто раз пожалели.

Мы втроем стояли у окна и молчали. Мы с Лешкой думали о несостоявшейся кинокарьере, Маша – о своей совести. К нам подрулил Валерка Кирюк со своим приятелем Никитой Бушуевым. Бушуев ходил за Кирюком, потому что тот регулярно давал ему списывать и помогал на контрольных. Бушуев был тупым, но сильным, хотя ни в какой секции не занимался. У него вообще ничего не было своего.

– Ну что, не вышло? – В присутствии Бушуева Кирюк ничего не боялся. – После того как родители узнают про записки, будут вам вместо «горячих досок» «горячие попки»!

Бушуев заржал, широко раскрыв пасть. И тут Лешка со всего размаха залепил Кирюку кулаком в лицо. Валерка упал, схватился за губу, из которой тут же выступила кровь, и заревел, размазывая слезы и кровь по лицу:

– Гады, вы сами себе приговор подписали! А ты чего стоишь, придурок?

Придурок, сообразив, что на до что-то делать, схватил Лешку спереди за рубашку. Рубашка затрещала. Ну тут уж я не выдержал и вломил Бушуеву в ухо. Бушуев дал мне сдачи. Через три секунды драка распалась из-за истеричного Машиного крика:

– Прекратите, идиоты!

Кирюк еще всхлипывал, когда мы с Лешкой, подняв рюкзаки, с победным видом проследовали за Машей в сторону выхода.

Глава 10

Исчезновение Лёлика

Часа два мы обсуждали сложившуюся ситуацию, сидя на бетонном бордюре у парка. Маша достала откуда-то иголку с ниткой и зашила Лешке рубашку. Так ничего путного и не придумав, мы разошлись по домам.

Я был уверен, что дома еще никто не знает ни о записке, ни о драке, и поэтому без всякого трепета позвонил в звонок. Лая в ответ не последовало – Лёлика не было дома. Мама открыла дверь сразу же, и так резко, что я понял: что-то случилось. У мамы были заплаканные глаза:

– Лёлик пропал!

– Как?

– Я только что в магазин спустилась за маслом. Лёлика привязала у входа. Прошло всего-то минут пять, выхожу – его нет. – Мама разрыдалась.

– Мам, ну подожди, у него телефон на ошейнике, позвонят.

– Ты не понимаешь, он же беспородный, никто звонить не будет. Все думают, что дорогими могут быть только породистые собаки. Его украли для других целей. Может на шапку или в корейский ресторан на пельмени, – мама опять зарыдала.

– Мам, ну какая из нашего Лёлика шапка? А пельмени? Небось опять за какой-нибудь болонкой ускакал. Прибежит. Сейчас рюкзак брошу, пойду поищу.

Пропажа Лёлика сильно меня разволновала, но я не мог сейчас позволить себе раскиснуть, я должен был прежде всего успокоить маму. Так обычно делает папа, когда мама из-за чего-нибудь расстраивается.

Оставив маму дежурить у телефона, я выскочил на улицу. Посвистывая нашим с Лёликом условным свистом, я обошел двор, заглянул в соседний, вышел на улицу и нос к носу столкнулся с Еленой Николаевной:

– Что, Воронин, прогуливаешься? А я к тебе направляюсь. Мать дома?

– Елена Николаевна! – взмолился я. – Только не сейчас! У нас собака пропала, я вот ищу ее.

– Ты уж, Воронин, не знаешь, чего еще придумать, заврался совсем, – она и не собиралась мне верить. – Веди меня немедленно к матери!

У меня подкосились колени, но возразить мне было нечего. Мы шли мимо подъездов нашего длинного дома, и я судорожно пытался хоть что-то придумать. Русичка держала в руке записку, где, вероятно, был написан мой адрес, и, проходя мимо каждого подъезда, сверялась с ней. Наконец мы подошли к нашему, третьему подъезду. Что же делать?

И тут из подъезда вырулила Людочка – старшая сестра моего соседа Витьки. Людочка была «своя». Каждый раз, встретив меня на лестнице, она спрашивала:

– Пашок, сигареткой не угостишь?

– Я не курю, – не уставал отвечать я Людочке.

Это был своего рода ритуал. Людочка обожала Лёлика и не реже, чем раз в неделю, приносила ему сахарную косточку или мясные обрезки. И еще Людочка была красивой.

Наверное, в нормальной ситуации я бы до такого не додумался, но так как встреча с Еленой Николаевной лишила меня возможности сколько-нибудь трезво соображать, я нагло заявил русичке:

– А вот и моя мама!

Елена Николаевна остановилась как вкопанная и уставилась на стройные коленки Людочки. Для Людочки мое сообщение тоже, вероятно, было неожиданностью, потому что она замерла с полуулыбкой на губах, не зная, как себя вести. Конечно, я блефовал: ведь я даже не знал, сколько Людочке лет и могла бы она вообще иметь такого сына, как я.

Первой очухалась Елена Николаевна:

– Здравствуйте, – русичка заглянула в бумажку, чтобы уточнить имя-отчество моей мамы, – Татьяна Михайловна! Я – учитель русского языка вашего сына. Хотела бы поговорить с вами о его поведении в школе.

– А чего он натворил? – Людочка сделала серьезное лицо и сдвинула брови к переносице.

– Вот, полюбуйтесь, – русичка протянула Людочке помятую записку про зубного врача.

Людочка взяла записку, внимательно прочитала текст и вздохнула:

– Терпеть не могу лечить зубы!

Русичка растерянно посмотрела на нее:

– Ваш сын вчера прогулял уроки. Сегодня он принес в школу вот эту записку.

– Ну да, у него режутся зубы мудрости, – неуверенно сказала Людочка, несмотря на то, что я ей делал знаки за спиной русички: мол, она ничего не знает. Но Людочка явно тупила. Если честно, я от нее такого не ожидал.

В этот момент во двор въехала красная «Пежо» и остановилась напротив нас. Стекло опустилось, и из окна высунулся парень с колечком в ухе:

– Людка, давай загружайся, не успеем же! Еще выпивку надо купить и за ребятами заехать!

Людочка очнулась:

– Пардон, спешу. Дела, знаете ли... Будете проходить мимо – заходите... Только обязательно сначала позвоните, а то нас может не быть дома.

Людочка потрепала меня за волосы и с чувством произнесла:

– Пока... сыночек!

Открыв дверцу «Пежо», Людочка помахала нам рукой:

– Чао!

Елена Николаевна не могла отвести взгляда от удаляющейся машины. Она покачала головой, пробормотала себе что-то под нос, развернулась и, не попрощавшись со мной, быстрым шагом покинула двор.

Глава 11

Никогда не бери сарделек у чужих мальчишек

Лёлик не мог понять, в чем дело. Он чувствовал, что поступил неверно, польстившись на копченую сардельку, которую ему протянул незнакомый мальчишка. Вроде бы все было как всегда: он сидел у магазина и ждал маму, которая пошла за покупками. Конечно, Лёлик бы с удовольствием составил ей компанию. Но его в магазин не пускали. Нет, однажды он все-таки прорвался за стеклянные двери. Тогда мама особенно долго не выходила, а ждать было нестерпимо скучно. Кроме того, уже начинали подмерзать лапы – дело было зимой. Пристроившись за старушкой, Лёлик прошмыгнул в магазин и стал быстро искать маму.

Он не собирался ничего трогать. Он даже не посмотрел в сторону мясного прилавка и не повел носом в направлении колбасного: он воспитанный пес, и чужого ему не надо. Мама сама даст ему кусок ливерной колбасы – так у них было принято. Лёлик искал маму и когда, наконец, увидел ее, так обрадовался, что не заметил круглую сметанную лужу, образовавшуюся у кассы. Вероятно, кто-то опрокинул целую банку на пол. Лёлик на полном ходу врезался в лужу, проехал на скользком полу, размазывая сметану. Вот тут-то на него и напали. С одной стороны – толстая кассирша, пулей выскочившая из-за кассы и размахивающая полотенцем, и уборщица со шваброй, на которую была нанизана вонючая серая тряпка. Обе тетki орала «Пшла вон!» и «Чья собака?» и носились за ним по всему залу.

Слава Богу, мама пришла на помощь. Она поймала Лёлика за ошейник и под дикие визги теток вывела его на улицу. Колбасу он тогда не получил – мама вынуждена была бросить покупки у кассы, и Лёлик чувствовал себя неловко. Ведь по его вине вся семья осталась без кефира. Но мама сердилась не на него, а на глупых теток, которые не любят собак. Лёлик точно знал: они любят кошек. Пробегая по магазину, он краем глаза успел заметить мордастого полосатого кота, развалившегося на пакетах с крупами. Никто почему-то не кричал ни «Пшла вон!», ни «У берите кошку!» Стоит же появиться в магазине культурной собаке, как хай поднимается страшный...

В общем, Лёлик сидел и терпеливо ждал маму. А если быть точнее – ливерную колбасу. Лёлика никогда не привязывали. А зачем: убежать он никуда не собирался, а польститься на такого, как говорит мама, красавца, никто не мог. Но мама ошибалась.

Мальчишка появился из-за угла, медленно подошел к Лёлику и почмокал губами, привлекая его внимание. Потом он достал из кармана источающий неземной аромат пакет с толстой копченой сарделькой. Лёлик старался не смотреть в сторону мальчишки. Внутренняя интеллигентность ему подсказывала: нехорошо просить у чужого. Пусть сам предложит, а там будет видно. Мальчишка достал сардельку и назвал Лёлика по имени. «Ого, да мы, оказывается, знакомы!» – подумал Лёлик, и мальчишка вызвал у него острую симпатию.

Сарделька просто таяла во рту. Лёлик встал и завилял мальчишке хвостом. Мальчишка отошел немного в сторону, приглашая Лёлика за собой. Лёлик обернулся на дверь магазина и... была не была, подбежал к мальчишке. Лёлик уже дожевывал сардельку, как у него над ухом раздался металлический щелчок карабина. Он попался. Мальчишка сильно дернул и потащил Лёлика за брезентовый поводок в сторону соседнего двора. Лёлик очень разнервничался: что подумает мама, когда выйдет из магазина, и поэтому не заметил, как оказался в чужом темном и грязном подъезде, где пахло кошачьей мочой и мусоропроводом. Мальчишка протащил Лёлика по ступенькам вниз, втолкнул в темный подвал и отстегнул поводок:

– Посидишь пока тут, облезлая шавка! А пикнешь – хвост отрежу.

Мальчишка ушел, плотно закрыв за собой дверь.

Лёлику сделалось грустно. Он думал о маме. Интересно, куда она теперь денет ливерную колбасу? Потом он вспомнил, как они всей семьей ездили на дачу к Журавлевым и там

с мальчишками гоняли кур. Лежа на бетонном полу, он вспоминал свою уютную постельку в коридоре, возле шкафа. И чуть позже – миску с борщом, который он (вот дурак!) так и не доел. Наверное, прошло очень много времени, потому что стемнело, и в щелку подвального окна заглянула белая луна. Лёлик прижал нос к щелке и тихонечко заснул.

Глава 12

Теперь понятно, кто украл Лёлика

Я бесшумно открыл дверь ключом и, не зажигая свет в коридоре, стал снимать ботинки. Мама с кем-то говорила по телефону. Беседа шла на повышенных тонах:

– Я вам не верю, он не мог так поступить! – Мама почти кричала.

Я почувствовал, что она совсем на взводе.

– Принимайте какие хотите меры... Идите... Не только в милицию, можете сразу в прокуратуру жаловаться... Послушайте, я со своим ребенком разберусь, а вы за своим следите! – Мама с грохотом бросила трубку и, увидев меня, тихо спросила:

– Это правда?

Конечно, речь шла о Валерке, сомнений быть не могло. Его мамаша сработала оперативно, наступала на меня по полной программе.

– Мам, он это заслужил, ну честное слово!

Мама вздохнула. Ее сейчас интересовало другое:

– Спрашивал во дворе? Ты знаешь, я сейчас подумала, может быть, Лёлик в магазин забежал, а его погнажи. Он же мог напугаться и убежать куда-нибудь. Я пойду искать. – Мама стала быстро одеваться.

У меня звякнул телефон – эсэмэска. Нажав на кнопку, я прочитал анонимное сообщение: «Шавка в надежном месте. Будешь рыпаться – отрежу хвост». У меня в голове что-то щелкнуло: Кирюк! И как я сразу не догадался. Это он, чтобы отомстить мне за драку, украл Лёлика. С одной стороны, от сердца отлегло: Лёлик не попал под машину, и из него не сделали пельмени. С другой... Ведь Кирюк его просто так не отдаст!

Мама хлопнула дверью.

А я позвонил Лешке. Но Лешка разговаривал односложно, как автомат – видимо, то ли русичка добралась до его родителей, то ли мамаша Кирюка успела устроить скандал. Я в двух словах сообщил Лешке о случившемся.

– Я наказан, – ответил Лешка и на полуслове дал отбой.

Я решил трезво посмотреть ситуацию. Что это – простая месть? Не похоже: ведь Кирюк уже наверняка оттянулся, слушая, как его мамаша выговаривает нашим с Лешкой родителям и представляя, что нам за это будет. Кирюк явно что-то от меня хотел.

Я взял телефон и написал ему ответную эсэмэску: «Чего ты хочешь?» Но сколько я ни ждал, ответа в этот вечер так и не получил.

Глава 13

Только этого еще не хватало!

Утром шел противный осенний дождь. Ноги сами отказывались идти в школу. Настроение было еще хуже погоды. Надо было успеть обсудить ситуацию до уроков и вызвать на переговоры Кирюка. Завтра уже кастинг, может быть, самое главное событие моей жизни, а меня это не радовало. Я шел по лужам, накинув на голову капюшон, и думал о Лёлике.

В своих мыслях я не заметил Машу, догнавшую меня и сейчас державшую над моей головой зонт. Маша почувствовала: что-то случилось, и молча шла рядом, предоставляя мне начать разговор первым.

– Маш, Кирюк украл Лёлика. Если честно, ума не приложу, зачем он это сделал.

– Ты уверен?

– Да, он мне письмо прислал. Маш, я его, наверное, прямо сейчас прибью.

– Погоди, не спеши, на до разобраться. Давай я попробую с ним поговорить. – Маша посмотрела на часы. – Прибавим шагу, а то звонок вот-вот прозвонит.

Мы вошли в школу и тут же нос к носу столкнулись с Еленой Николаевной:

– Воронин, ты доигрался! На вас с Сидориным заявление написали инспектору по делам несовершеннолетних. Портфель оставь здесь, а сам – домой, за родителями. – Русичка запнулась, будто что-то вспомнив: – Отца приведешь!

– Он на работе.

– Значит, звони на работу, пусть приедет.

– Послушайте, Елена Николаевна, давайте не надо отца, у него сегодня ответственная встреча. Можно, я пойду в класс, звонок уже был.

– Боюсь, Воронин, учиться теперь вам придется в другом месте. Там из вас людей делают. Стой здесь, сейчас милиционер придет с вами разбираться. – Русичка шелкнула каблучками и быстро засеменила в сторону учительской.

Мы с Машей переглянулись и одновременно приняли одно и то же решение: надо отсюда сматываться, да поскорее. Вот только как же Лешка один...

Только мы о нем подумали, как он возник в дверях коридора, стряхивая с бейсболки капли дождя.

– Вы чего тут торчите?

– Тебя ждем. Пошли отсюда скорей.

– Не, мне нельзя, родители вчера такую разборку устроили, все припомнили, что было и чего не было.

– Сейчас за нами милиция придет, по делам несовершеннолетних. Мало не покажется. Пошли, поговорим в другом месте, а то ведь поздно будет.

Мы стояли напротив выхода из школы. В коридоре народу уже почти не было, звонок прозвенел пять минут назад. Я почувствовал, что кто-то потянул меня за рукав. Рядом стояла маленькая девочка, наверное, первоклассница. Она молча протянула мне запечатанный конверт, повернулась и побежала по лестнице вверх. Мы смотрели на конверт, и я не решался его вскрыть. Неприятный холодок в спине предсказывал, что ничего хорошего мы сейчас не узнаем.

Я решительно оторвал сбоку полоску бумаги и вытряхнул содержимое конверта на ладонь. У меня в руке был кусок жестких рыжеватых волос.

Как замороженный, я не мог оторвать взгляда от этого клочка, срезанного с Лёликиного хвоста. Маша решительно взяла у меня конверт и осмотрела его:

– Здесь записка!

Она вытащила сложенный вдвое тетрадный лист и медленно прочла:

«Не пойдете на кастинг – получите шавку. А если пойдете... (в этом месте была нарисована собачка, лежащая вверх ногами с вывалившимся набок языком)».

– Все ясно! Кирюк испугался конкуренции. Он знает, что вы катаетесь сильнее, чем он со своим тупым Бушуевым. Надо же до такого додуматься. – Маша сложила записку, сунула ее обратно в конверт, взяла с моей ладони кусок Лёликиной шерсти и тоже положила в конверт:

– Я знаю, что надо делать! Где тот, который по делам несовершеннолетних? Кажется, для него есть действительно серьезная работа!

– Долго думала? – Лешка был мрачнее тучи. – И про кастинг ты тоже в милиции расскажешь? И про вчерашний мордобой? Лёлик – это наша личная проблема. Мы должны решить ее сами!

Мне было приятно, что Лешка сказал «наша». Ведь Лёлик был моей собакой, и проблема, в общем-то, была моя. Впрочем, ничего другого от своих друзей я и не ожидал.

– Пошли, у меня есть план. – Лешка подтолкнул нас к выходу.

Мы молча вышли под дождь. Решено было идти к Маше, у нее дома никого не было.

Глава 14

Лёлик проголодался

Лёлик проснулся рано. Вчера, когда он, заспанный, притащился на кухню проверить, что мама готовит на ужин, есть совсем не хотелось. То есть теоретически, конечно, Лёлик не отказался бы ни от гуляша, ни от поджаренного бекона, но есть гречку, только что сваренную мамой, даже с подливкой из-под фрикаделек, ему тогда не хотелось. Да и, в общем, копченая сарделька, которую ему предложил противный мальчишка, по большому счету на сытый желудок была «не фонтан». Но сейчас Лёлик съел бы даже пшенку без масла, даже гороховый суп... Нет, – Лёлик почесал за ух ом, – гороховый суп он, пожалуй, есть бы не стал даже если бы умирал голодной смертью. В своей нелюбви к этому б люду Лёлик был солидарен со своим хозяином, за что они оба неоднократно были репрессированы мамой.

Сейчас воображение рисовало Лёлику аппетитную колбаску с мелким жиром, гирлянду толстеньких шпикачек, горку маленьких кот леток, которые часто делала мама, и Лёлик в этом ей помогал как мог – доедал мясные обрезки, пробовал фарш, первым дегустировал только что пожаренную подрумянившуюся котлетку прямо со сковородки. Или просто так болтался на кухне, чтобы маме было с кем поговорить.

По утрам Лёлику полагалась овсянка с замешанными в нее маленькими кубиками собачьих консервов в желе. Вообще-то Лёлик предпочитал человеческую еду, она вкуснее пахла и аппетитней выглядела. Но от консервов для собак тоже не отказывался, хотя сухой корм не любил. Но сейчас Лёлик бы съел даже овсянку без всяких консервов, просто с кусочком масла.

Лёлик сглотнул слюну и вздохнул. Время завтрака уже давно прошло, а в подвале по-прежнему было тихо. Лёлик решил обследовать место своего заточения. Он ткнул лапой в дверь, но она даже не шелохнулась, обошел комнату по периметру, принюхиваясь к валявшимся повсюду тряпкам и коробкам, и снова вернулся к окну. Между полом и окном была огромная щель, из которой неприятно дуло сырым холодным воздухом. Лёлик опустил нос в щель и принюхался.

Похоже, это был его шанс. Распластавшись по полу, Лёлик стал протискиваться в узкую черную щель. Голова прошла легко.

Как-то Лёлик уже пролезал в узкую дырку в заборе, когда они с ребятами убегали от хулиганов. Ребята тогда перемахнули через забор, а Лёлик полез в заборную дыру. Голова тогда тоже легко вошла, а вот пузо никак не хотело пропихиваться. Мальчишки пытались подтолкнуть его сзади, но это было больно, да и толку – ноль. А Маша, первой перемахнув через забор, взяла Лёлика за морду и сказала: «Лёлик, поднатужься, вперед!» И Лёлик поднатужился, подобрал пузо и пролетел в дырку, как будто его маслом намазали.

Но сейчас рядом не было ни Маши, ни ребят. И Лёлик сам себе строго сказал: «Это твой последний шанс!»

Глава 15

Маша рассуждает логически

– Они наверняка заперли его в каком-нибудь заброшенном месте. У метро дом новый строят, там все почти готово, а жильцов нет. Надо все проверить. Давайте поделимся и поищем, – предложил Лешка, когда мы, промокшие, добрались до Машиного дома.

– Точно! И подвалы надо прочесать. А ты чего молчишь, Маш? – подхватил я Лешкину идею.

Погрузившись в раздумья, Маша сидела хмурая:

– Так мы можем неделю искать и ничего не найти. Нам нужно установить слежку за Кирюком. Думаю, рано или поздно он захочет навестить Лёлика, чтобы убедиться, что его план работает. – Маша на секунду замолчала. – Кирюк боится собак, я точно знаю. Пару недель назад за Дашкой отец в школу заезжал с собакой. У них ротвейлер, мордастый такой, но не злой. Так Валерка, как его увидел, побледнел, к стенке прижался и не пошевелился, пока Дашка не вышла и они не уехали. Нет, следить надо за Бушуевым!

– Маш, ну ты у нас просто Гугл ходячий! Даже я бы до такого не додумался! – Лешка искренне восхищался Машиным умом и сообразительностью. – Побежали скорее искать Бушуева!

– Никуда бежать не надо. Сейчас Бушуев с Кирюком в школе, у них... то есть у нас, шесть уроков. Есть еще часа два, чтобы все обдумать.

Расположившись на уютной Машиной кухне, мы стали ждать, когда кончатся уроки.

Время шло нестерпимо медленно. Я старался не думать о Лёлике, отвлекая себя на мысли о завтрашнем кастинге. Но и эти, недавно еще самые сладкие мечты, незаметно окрасились в серый цвет пессимизма: так могло случиться, что никакого кастинга для меня, увы, не будет. И от этой мысли, замешанной на тревоге за Лёлика, у меня защипало в носу и глаза предательски покраснели. Чтобы скрыть свою слабость от друзей, я резко встал: «Пойду прогуляюсь». Маша поняла, что мне на до побыть одному, она всегда понимала меня без слов:

– Давай, встречаемся минут за десять до звонка за школой, у трансформаторной будки.

Глава 16

Незнакомец в черном капюшоне

Дождь кончился, но было сыро и туманно. Листья с деревьев уже облетели, и все вокруг стало коричнево-серым, в тон моему настроению. Прохожих на улице было мало. Старушка с тележкой на колесиках, прихрамывая, пересекала двор, почтальон с сумкой через плечо и пачкой газет под мышкой направлялся к соседнему дому...

Из-за угла вышел парень в черной куртке и капюшоне по самый нос. Его сутулая фигура, медвежья походка и огромные башмаки на толстой подошве сильно смахивали на дружка Валерки Кирюка – Бушуева. Я не придавал этому особого значения, со мной это часто бывает: если долго думаешь о чем-то, то все вокруг начинает преобразовываться, принимая черты и формы предмета моих мыслей. Но мои ноги почему-то стали передвигаться вслед этому сутулому парню.

Сутулый вышел со двора на улицу, прошел примерно квартал и завернул снова во двор. Это была самая старая часть нашего района и самая, пожалуй, некрасивая. В основном здесь располагались обшарпанные пятиэтажки с выбитыми на лестницах окнами, а на первых этажах жили особенно злобные бабки из тех, которые не умеют говорить спокойным голосом и пишут ругательные письма во все газеты.

Обогнув первую пятиэтажку, сутулый остановился у подъезда и оглянулся. Теперь сомнений быть не могло – это действительно был Бушуев. Меня он видеть не мог, я вовремя спрятался за кустом еще не облетевшей сирени, и теперь, наблюдая за крадущимся к подъезду Бушуевым, я внезапно понял: за последние несколько дней мне впервые повезло.

Сутулая фигура скрылась в подъезде, и я вышел из своего убежища. Медлить было нельзя, на до было во что бы то ни стало застать Бушуева на месте преступления.

Подъезд был темный и грязный. Пахло помойкой, плесенью, кошками и отсыревшими окурками. Стены были исписаны английским и русским матом и проиллюстрированы выцарапанными непристойными рисунками. Сразу от входа влево уходила узкая лестница с покореженными перилами. Справа проход закрывала массивная железная дверь, выкрашенная когда-то в зеленый цвет.

Дверь была приоткрыта, и я инстинктивно почувствовал, что мне сюда. Скрип, с которым она приоткрылась, мог спугнуть Бушуева, и прежде чем двигаться дальше, я целую минуту стоял, прижавшись к холодной стене. Сделав шаг в темноту, я почувствовал, что уровень пола понижается и нащупал ногой ступеньку, потом другую, и, наконец, спустился в подвал.

Было темно, хоть глаз выколи, но где-то справа мелькнул свет карманного фонаря. Придерживаясь за холодную и скользкую трубу, я медленно стал двигаться в сторону промелькнувшего света. И вдруг прямо передо мной что-то загремело, до меня донеслось несколько злобных вскриков, состоящих из ругательств, и прямо передо мной появился Бушуев. Я не видел его лица – только силуэт на фоне открывшегося за его спиной подвального окна. Бушуев стоял в двух шагах от меня и ругался. Я вдавился в стену насколько мог, и старался не дышать. Страха я не чувствовал, только озноб – в подвале стоял настоящий могильный холод. Секунд через десять, которые показались мне вечностью, Бушуев перестал ругаться и выбежал из подвала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.